

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: khudjakov@mail.ru

ОБЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ИЕРАРХИИ У ДРЕВНИХ НОМАДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ *

В статье анализируются археологические материалы, происходящие с территории Центральной Азии, и на этой основе реконструируются основные этапы формирования военной организации и этносоциальной иерархии в пастушеских племенах и кочевых обществах в период становления номадизма.

Ключевые слова: Центральная Азия, эпоха бронзы, период раннего железа, пастушество, кочевники, этносоциальная иерархия, военная организация, оружие.

Сложение в евразийских степях в раннем бронзовом веке культурно-хозяйственного типа пастухов и кочевых скотоводов, переход степного населения к подвижному образу жизни, создали экономические, социальные и цивилизационные основы кочевого общества, определили на последующие периоды древней и средневековой истории основную направленность и динамику его исторического развития. Формирование данного типа жизнедеятельности, основанного на производящей скотоводческой экономике, возникновение развитой этносоциальной иерархии в кочевом обществе во взаимодействии с этносами, относящимися к другим культурно-хозяйственным типам, позволило древнимномадам освоить обширные пространства в пределах степного пояса Евразии и периодически включать в сферу своего влияния сопредельные территории стран оседло-земледельческой и городской цивилизации, а также лесные районы, населенные охотничьими племенами.

Важное место в жизни кочевого общества со времени его становления занимала военная сфера жизнедеятельности. По устойчивому в науке мнению, процесс перехода к производящей экономике, основанной на скотоводстве, создал предпосылки для возникновения войн и военной деятельности в качестве особых явлений социальной реальности, связанных с необходимостью перераспределения результатов трудовой деятельности с помощью насилия. Подобные явления были свойственны для древних обществ, основанных на разных видах производящей экономики. Однако в наибольшей степени они оказались характерными для кочевых скотоводов, основу существования которых составляли стада домашнего скота. Для кочевых скотоводов домашний скот представлял собой главную материальную ценность, которая могла быть легко утрачена в результате неблагоприятных погодных условий, внезапного нападения хищников или угона другими номадами [Шнирельман, 1994. С. 146–147]. Поэтому

* Работа выполнена при финансовой поддержке АВИЦП «Развитие научного потенциала ВШ (2009–2010 годы)» (проект РНП 2.2.1.1/1822).

со времени появления домашнего скота кочевникам было необходимо его охранять. Подвижный образ жизни и наличие оружия позволяли им обеспечить свое существование путем сезонных перекочевок и охраны стад. Необходимость охраны стад или восполнения последствий грабежа с помощью вооруженной силы были постоянным стимулом для развития военной сферы жизнедеятельности в кочевом обществе [Худяков, 1985. С. 106–107]. Особая роль военного дела в кочевом обществе и воинственность древних и средневековых кочевников издавна привлекали внимание обитателей соседних стран оседло-земледельческой и урбанистической цивилизации, подвергавшихся нападениям со стороны кочевников. Со времени сложения письменной исторической традиции в этих странах военное дело кочевников нашло отражение в древних и средневековых исторических сочинениях, служащих основными источниками по истории войн кочевого мира [Першиц, 1994. С. 131]. Однако эти источники освещают события истории взаимоотношений кочевых и оседлых народов односторонне, отдавая предпочтение описанию военных нападений и не всегда отмечая мирные контакты между ними. Новые важные материалы по истории военного дела древних кочевников, особенно на ранних этапах формирования и развития кочевого общества, не менее информативные, но более объективные, дают результаты археологических исследований, проводившихся в евразийских степях в течение последних полутора столетий.

Одним из крупных регионов степного пояса Евразии, на территории которого в древности происходили процессы формирования кочевого общества, в том числе складывалась военная сфера его жизнедеятельности, являлась Центральная Азия. Появление у обитателей центрально-азиатских долин рек и озер в пределах горного и степного ландшафта в качестве материальной основы их существования стад домашнего скота, необходимость их вооруженной охраны от хищных животных и соседних охотничьих или скотоводческих племен, борьба за пастбищные угодья и водопои, а также, возможно, источники сырья для бронзолитейного производства обусловили выделение в составе предметного комплекса материальной культуры оружия и создание

особой военной организации, способной защитить в случае необходимости домашних животных от угона либо восполнить утраченное вследствие неблагоприятных обстоятельств их поголовье путем захвата у соседей и тем самым обеспечить дальнейшее существование самой общины.

По мнению некоторых ученых, на северной периферии Центрально-Азиатского региона, среди древнего населения Южной Сибири, война стала «частым явлением» в жизни местных скотоводов уже в период энеолита. По оценке С. В. Киселева, появление специализированных «военных орудий» и начало процесса обособления оружия от орудий труда прослеживается в материалах предметного комплекса племен афанасьевской культуры, период существования которой он относил к энеолитической эпохе. Известный исследователь предполагал, что в это время военные столкновения между племенами могли происходить из-за угодий, водопоев, месторождений руд и других форм «неравенства естественных условий» жизни древних скотоводов [Киселев, 1949. С. 34]. В течение последних десятилетий ряд исследователей связывали распространение памятников данной культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии с миграцией индоевропейцев, или прототохаров – европеоидных скотоводческих племен, носителей древней ямной культурной общности, переселившихся из степей Восточной Европы [Вадецкая, 1986. С. 18–22; Семенов, 1994. С. 26–28]. Археологами высказывалось также мнение об автохтонном центрально-азиатском происхождении носителей афанасьевской культуры [Молодин, 1992. С. 27].

Позднее некоторые из археологических материалов, ранее привлеченных С. В. Киселевым для анализа уровня развития военного дела в среде древних кочевников Центральной Азии, были переосмыслены. По мнению Э. Б. Вадецкой, в погребальных комплексах афанасьевской культуры не найдено оружия, за исключением каменных наконечников стрел, застрявших в костях убитых людей, хотя такие случаи, безусловно, подтверждают наличие в эту эпоху военных столкновений [Вадецкая, 1986. С. 17–18]. Находка каменной секиры, упоминавшейся в качестве оружия энеолитических племен, была отнесена к окуневской

культуре эпохи развитой бронзы [Вадецкая, 1981. С. 20–21]. В то же время в ряде погребений афанасьевской культуры обнаружены литые бронзовые предметы, что позволило отнести эти объекты уже к раннему бронзовому веку [Молодин, 1992. С. 27–28]. В их составе присутствуют и бронзовые двулезвийные кинжалы, которые могли применяться для военных целей [Худяков, 1995. С. 63–64]. Судя по этим данным, отдельные виды специализированного металлического оружия ближнего боя и ранние организационные формы осуществления военной деятельности впервые появились у степных скотоводов Центрально-Азиатского региона в период ранней бронзы.

Однако решающие изменения в оформлении военной сферы жизнедеятельности в кочевом обществе прослеживаются на северо-западной окраине этого региона с периода развитой бронзы, когда была освоена технология тонкостенного бронзового литья, обеспечившая технические возможности для изготовления высокоэффективного металлического наступательного оружия ближнего боя. Появление средств поражения противника при сближении потребовало от участников подобных столкновений не только умения владеть оружием, но и особой психологической подготовки для преодоления естественного страха за свою жизнь и внушения самим себе уверенности в победе и собственной неуязвимости. Вероятно, одним из таких средств повышения уверенности в своих силах и внушения страха противнику могла быть устрашающая татуировка или боевая раскраска воинами своих лиц и тел. У многих первобытных племен татуировка служила своего рода символическим средством защиты в ходе военных столкновений. Следы такой раскраски обнаружены на костях погребенных в могилах и показаны на петроглифах и каменных изваяниях окуневской культуры [Там же. С. 74]. Вероятно, подобные традиции существовали и у носителей каракольской культуры Горного Алтая, в изобразительных памятниках которой прослеживаются схожие с окуневскими черты [Молодин, 1992. С. 27].

Дальнейшее совершенствование и развитие военного дела прослеживается у скотоводческих племен, населявших в период развитой бронзы северо-западную окраину

Центрально-Азиатского историко-культурного региона, памятники которых объединяются исследователями в круг культур сейминско-турбинского облика [Черных, Кузьминых, 1989. С. 31]. На вооружении древних скотоводов, носителей этих культур, появились бронзовые копья, иногда снабженные крюками, бронзовые кельты. Использовались для военных целей и бронзовые кинжалы. Вероятно, применялись и иные, специализированные виды оружия ближнего боя, такие как каменные булавы и боевые топоры. Эффективное использование данных видов древкового колющего и ударного оружия в ходе боевых столкновений потребовало от воинов умения защищать себя средствами индивидуальной защиты и способствовало развитию тактики кооперированного применения разных видов оружия в определенной последовательности на разных фазах ведения боя. Эти изменения привели к созданию особой военной организации в составе родоплеменной структуры общества, которая должна была обеспечить специальную подготовку воинов для ведения согласованных действий в составе военных отрядов. Как удалось определить специалистам, для наиболее эффективного согласованного применения древкового колющего оружия необходимо шероножное построение войска в несколько рядов, наподобие фаланги [Кожин, 1993. С. 26]. Повышение статуса военной деятельности и ее носителей в обществе древних скотоводов повлекло за собой определенные изменения в сфере идеологического оформления социально значимых институтов в кочевом обществе, вызвало повышение уровня престижности оружия и воинских атрибутов, которые стали использоваться одновременно в качестве атрибутов власти. Это вызвало потребность изготовления копий и кинжалов из благородных металлов, в том числе серебра и серебряных сплавов, украшения их вычурным орнаментом и золотой инкрустацией. Такие предметы служили не просто оружием. Они могли принадлежать военным вождям или представителям родоплеменной знати и должны были выполнять символические, знаковые функции. В то же время оружие дистанционного боя (луки и стрелы) сохраняло свои универсальные функции. Его могли использовать не только воины для боевых целей, но и все кочевники для охоты. Таким обра-

зом, в составе оружейного комплекса древних номадов выделились виды специализированного наступательного оружия ближнего боя и средства индивидуальной металлической защиты, универсальные средства дистанционного поражения [Худяков, 1995. С. 85].

В период развитой бронзы северо-западные и западные районы Центральной Азии, включая степи Синьцзяна, Восточного Казахстана, Алтая и Минусинской котловины, были освоены скотоводческими племенами – носителями андроновской культурной общности, которых некоторые исследователи связывают с индоариями [Кузьмина, 1994. С. 199]. В составе комплекса вооружения воинов этой общности наряду с бронзовыми копьями, кельтами и кинжалами, появились вислообушные топоры и стрелы с бронзовыми наконечниками, которые можно считать первыми специализированными поражающими средствами дистанционного боя [Худяков, 1993. С. 67]. Под влиянием этих племен в степях Евразии получил распространение один из древнейших видов военной техники – боевые колесницы, на основе которого сформировался особый род войск. Для воинов-колесничих был характерен определенный комплекс оружия дистанционного и ближнего боя и средств защиты, своя тактика боя, основанная на атаке боевых колесниц. В рамках военной организации они должны были составлять особую, привилегированную часть войска – воинскую элиту. В то же время из числа рядовых кочевников формировались вспомогательные отряды легковооруженной пехоты. Эти изменения повлияли на дифференциацию самого кочевого общества. В составе социальной структуры древних кочевников в этот период выдвинулось сословие воинов, «райташтаров» – «стоящих на колесницах». Дифференцировалась заупокойная обрядность древних номадов. В рамках этой обрядности сформировался характерный для воинов-колесничих особый погребальный культ с использованием боевых колесниц и созданием монументальных курганных сооружений.

Свое дальнейшее развитие военное искусство воинов-колесничих получило в период поздней бронзы, когда степи Центральной Азии от Саяно-Алтая до Забайкалья были завоеваны номадами, носителями нескольких культур и культурных общностей: карасукской, херексуров и оленных

каменной, плиточных могил. Находки предметов вооружения в памятниках этих культур встречаются достаточно редко, поскольку изделия из металла очень высоко ценились. Однако набор оружия воинов-колесничих позднего бронзового века можно наглядно представить по рисункам предметов вооружения на оленных камнях. Судя по этим изображениям, в дистанционном бою они использовали луки и стрелы, которые в походном положении носили в горитах, подвешенных к поясу. В ближнем и рукопашном бою они поражали противника копьями, клевцами и боевыми топорами-секирами, мечами и кинжалами. Для защиты от вражеских ударов эти воины использовали щиты с умбонами и защитные пояса. Основным видом наступательного оружия были бронзовые клевцы, крепившиеся на деревянных рукоятках со втоками. Благодаря эффективному оружию, военной технике и тактике колесничного боя, древние номады европеоидного облика, создатели херексуров и оленных камней, смогли в конце II – начале I тыс. до н. э. расширить ареал своего обитания на весь Центрально-Азиатский регион. Наряду с немногочисленными отрядами воинов-колесничих, составлявшими основную ударную мощь войск древних номадов, в них были включены набранные из рядовых кочевников подразделения пехотинцев, вооруженных луками и стрелами, боевыми топорами и кинжалами. Такие формирования в рамках тактики колесничного боя выполняли вспомогательную роль.

Ввиду определяющей роли отрядов воинов-колесничих в достижении военных побед над противниками, им принадлежало главное место в структуре военной организации и социальной иерархии кочевых племен. Они составляли аристократическое сословие знатных воинов, из числа которых выдвигались военные вожди и предводители племен. Это способствовало повышению их общественного статуса, что отразилось и в идеологии номадов. Прославление героев, воинов-колесничих, привело к развитию воинских культов, способствовало возведению грандиозных монументальных погребальных комплексов – херексуров и поминальных сооружений с величественными рядами богато оформленных оленных камней – каменных стел с изображением разных видов оружия и средств защиты, сдела-

ло важнейшей частью заупокойной обрядности траурные поминальные торжества.

Воины племен карасукской культуры обладали различными видами металлического оружия ближнего боя: копьями, боевыми топорами, кельтами, клевцами, двулезвийными и однолезвийными кинжалами. Для стрельбы по противнику использовались стрелы с кремневыми и костяными, значительно реже бронзовыми наконечниками. Вероятно, боевые колесницы в Минусинской котловине не получили широкого распространения, поэтому здесь не сложилось такого отдельного рода войск. Однако в материалах этой культуры встречаются двусоставные бронзовые удила, что может свидетельствовать о преимущественном использовании такой конской упряжи для верховой езды.

В восточных районах Центральной Азии военным отрядам культурной общности херексуров и оленных камней пришлось столкнуться с монголоидными племенами, носителями культуры плиточных могил. Памятники этой культуры включают ограды из каменных плит крупных размеров и сторожевые камни, содержат престижные предметы и оружие [Цыбиктаров, 1998. С. 81]. Вероятно, первоначально в ходе военных столкновений с носителями этой культуры европеоидные племена смогли продвинуться далеко на восток, вплоть до южных районов Забайкалья и Восточной Монголии. Однако со временем монголоидные кочевники научились эффективно противостоять атакам боевых колесниц, используя широкие возможности луков и стрел с бронзовыми наконечниками, успешно применяя новые эффективные виды оружия ближнего боя и защиты. В составе комплекса вооружения культуры плиточных могил появились клевцы, мечи колющего действия с удлиненным клинком, метательные копья с трехлопастными наконечниками, бронзовые шлемы с наушами [Эрдэнэбаатар, Худяков, 2000. С. 146]. Использование новых эффективных видов оружия ближнего боя и средств защиты, позволило древним монголоидным кочевникам отвоевать восточные и центральные районы Монголии. Победители стали использовать кольцевые ограды херексуров и оленные камни для своих строительных нужд.

На рубеже позднего бронзового и раннего железного веков культурная общность

херексуров и оленных камней дифференцировалась на несколько ранних скифских культур в Саяно-Алтае и Западной Монголии. Восточные и центральные районы Монголии были заняты племенами культуры плиточных могил. В данное время кочевники Южной Сибири и Центральной Азии уже освоили верховую езду. Это позволило создать крупные по численности отряды конницы, которые по своей маневренности и скорости передвижения значительно превосходили боевые колесницы. Появление и развитие конницы значительно снизило эффективность использования боевых колесниц, что повлекло за собой военные поражения, падение престижа и социального статуса колесничной военной аристократии. Одновременно с переходом к верховой езде кочевые племена освоили и металлургию железа, что значительно расширило их возможности в производстве металлических изделий, в том числе оружия.

С этого времени основным родом войск в кочевом мире Центральной Азии стала легковооруженная кавалерия, главным оружием которой в дистанционном бою были луки и стрелы, а в ближнем – легкие боевые топоры (чеканы) и короткие мечи-акинаки. Для защиты легковооруженные всадники использовали легкие деревянные щиты. Ведущим направлением конного боя стала тактика рассыпного строя, включающая охват построения противника по фронту и с флангов и обстрел с дистанции полета стрелы. В решающий момент сражения всадники атаковали лавой, стремясь сокрушить врага в ближнем бою. Ко времени формирования в Центрально-Азиатском регионе культур скифского облика относится образование военных союзов кочевых племен, объединенных могущественными вождями, или царями. На материалах археологических памятников этого времени фиксируется сложение этносоциальной иерархической структуры в кочевом обществе, в рамках которой аристократические роды, возглавляющие наиболее могущественные племена, подчиняют соседние группы древних кочевников, вынуждая их перейти на положение вассалов, платить дань и участвовать в наиболее важных военных или торжественных мероприятиях в рамках военного союза, под эгидой правящей элиты господствующего племени.

Одно из таких объединений, получившее среди исследователей наименование аржанского союза племен, сложилось в раннее скифское время в Туве. О степени могущества одного из правителей этого союза можно судить по грандиозным траурным торжествам, проведенным в честь умершего «вождя», или «царя», погребенного в кургане Аржан. В подготовке и проведении траурного мероприятия приняли участие многие тысячи людей – соплеменники и вассалы аржанского владыки. Как удалось определить исследователям, в составе аржанского племенного союза находилось семь племен и столько же племен были на положении вассалов и союзников [Грязнов, 1981. С. 45–50]. Судя по особенностям конского убранства одной из групп лошадей, захороненных в этом кургане, в сфере влияния аржанского правителя находились кочевые племена, населявшие не только степи Тувы, но и обитатели сопредельных районов северо-западной Монголии и Горного Алтая. Так, похожие элементы конского убранства были обнаружены при раскопках памятника майэмирской культуры в долине р. Ак-Алаха на плоскогорье Укок в Горном Алтае [Полосьмак, 1994. С. 21].

В скифское время военные союзы племен, возглавляемые могущественными вождями, сложились в Горном Алтае и Минусинской котловине. Вероятно, как удалось установить по результатам последних исследований, во главе объединения горно-алтайских номадов находилась господствующая, пришедшая из Средней Азии, сакская по происхождению, родо-племенная группа [Полосьмак, 1994. С. 28]. Результаты этих исследований дают также основание предполагать, что наиболее развитая этносоциальная иерархическая структура сложилась в середине I тыс. до н. э. именно в этих районах Южной Сибири. В Минусинской котловине отчетливые признаки дифференциации социальной структуры общества нашли отражение в появлении монументальных курганных сооружений на подгорновском и сарагешенском этапах существования тагарской культуры. Менее дифференцированной представляется социальная структура носителей более поздней, чем памятники аржанского типа, саглынской культуры в Туве, погребения которых не имеют столь значительных различий между собой, как тагарские.

В комплексе вооружения майэмирской культуры раннескифского времени в Горном Алтае представлены различные виды оружия дистанционного и ближнего боя, средства защиты воинов. В дистанционном бою лучники использовали луки и стрелы с бронзовыми двухлопастными и костяными наконечниками. В ближнем бою они могли атаковать противника копьями с бронзовыми двухлопастными наконечниками, боевыми проушными топорами и бронзовыми кинжалами. Для защиты от ударов они применяли бронзовые сферические шлемы с наносником, наушами и назатыльником [Суразаков, 1979. С. 171, 180, 188–189].

Комплекс вооружения саяно-алтайских племен скифского времени включал луки и стрелы, которые воины носили в горитах, чеканы, акинаки и кинжалы, что свидетельствует о схожем уровне развития военного искусства у южно-сибирских племен.

В результате войн в конце III в. до н. э. все кочевые племена, обитавшие в степях Центральной Азии, были покорены могущественной военной державой Хунну, имевшей сложившуюся централизованную государственность, сложную этносоциальную иерархическую структуру и военно-административную систему деления войска и народа, которые просуществовали в течение всего последующего периода истории центрально-азиатской кочевой цивилизации. Во главе этой иерархии находился хуннский правящий династийный род Силуанди, из состава которого выдвигались единоподержавные правители, носившие титул «шаньюя» – высочайшего, подобного небу. Представители правящего рода занимали все важнейшие административные посты в чиновничьем аппарате и военно-административной системе. На некоторые из важных должностей могли назначаться и представители трех других хуннских аристократических родов. Хуннский народ-войско делился на центр, находившийся под непосредственным управлением шаньюя, и крылья, возглавлявшиеся его ближайшими родственниками. Крылья и центр состояли из воинских подразделений, насчитывающих по десять тысяч воинов, во главе которых были поставлены темники. Такая десятичная система деления войска и народа сохранялась во всех последующих тюркских и монгольских кочевых державах Центральной Азии. В период образования Хуннской

державы сложились и основные направления политики, ставшие характерными для правителей всех последующих центрально-азиатских кочевых империй, первоочередной внешнеполитической задачей которых являлось объединение под своей единоличной властью всех кочевых племен, поскольку их покорение означало для шаньюя возможность увеличить свое войско за счет новых вассалов.

Объединение под властью хуннских правителей в рамках единой военной организации всех, разных по своей этнической принадлежности, центрально-азиатских и южно-сибирских кочевых племен, привело к унификации вооружения и тактики конного боя по образцу военного искусства господствующего хуннского этноса. В результате военное дело в кочевом мире Центральной Азии вступило в новый этап своего развития.

Покоренные хуннами кочевые племена оказались на положении вассалов, но в составе кочевой державы Хунну находились на разном положении. Некоторые из них, например племена лоуфаней и байан, были ассимилированы и вошли в состав хуннского этноса. Другие племена управлялись хуннскими наместниками, среди которых могли быть пленные китайцы или перебежчики. Например, динлинами управляли бывшие подданные ханьского императора – перебежчик Вэй Люй и плененный военачальник Ли Лин. Однако были этносы, сохранившие свою собственную систему управления, например усунь, во главе которых стояли свои правители – гуньмо. Главной обязанностью вассалов было предоставление своих войск, требовавшихся шаньюю для ведения непрерывных войн.

Военная держава хуннов могла успешно существовать до тех пор, пока они одерживали победы и захватывали военную добычу, что привлекало под их знамена многих кочевников. Как только хунны стали терпеть неудачи, от их правителей откололись не только вассалы, но и часть самих хуннских кочевников, что привело к распаду этноса на две враждующие орды. И в последующие периоды древней и средневековой истории главной причиной ослабления и распада кочевых государств также были внутренние междоусобицы. Наличие жестких не только социальных (по принципу принадлежности к правящему или аристократическим ро-

дам), но и этносоциальных (принадлежности к господствующему этносу) ограничений на возможность для воинов-иноплеменников улучшить свое положение и повысить свой социальный статус стимулировало междоусобицы и способствовало частой смене господствующих этносов в кочевом мире.

Хуннские завоевания определили новый вектор этнокультурного развития не только в Центрально-Азиатском регионе, но и во всем степном поясе Евразии, поскольку в дальнейшем их миграционные волны достигли до Восточной и Центральной Европы, Средней Азии. Именно с этого периода кочевники монголоидной принадлежности, предки средневековых тюркских и монгольских кочевых народов, начали осваивать степи и горы западной части Центральной Азии, включая и Саяно-Алтай, что привело к сложению здесь новых условий для формирования особенностей военного дела у кочевников и иного населения.

Список литературы

Вадецкая Э. Б. Предметы вооружения из могил окуневской культуры // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 13–21.

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. 178 с.

Грязнов М. П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л., 1981. 61 с.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // МИА. 1949. № 9. 346 с.

Кожин П. М. Сибирская фаланга эпохи бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 16–41.

Молодин В. И. Бронзовый век Южной Сибири – современное состояние проблемы // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992. С. 25–33.

Перишиц А. И. Война и мир на пороге цивилизации. Кочевые скотоводы // Война и мир в ранней истории человечества. М., 1994. Т. 1. С. 129–231.

Полосьмак Н. В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994. 125 с.

Семенов В. А. Древнейшая миграция индоевропейцев на восток (к столетию откры-

тия тохарских рукописей) // Петербургский археологический вестник. СПб., 1994. Вып. 4. С. 25–30.

Суразаков А. С. О вооружении ранних кочевников Горного Алтая // Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. Вып. 1. С. 170–192.

Худяков Ю. С. Формирование военного искусства кочевников в условиях степного ландшафта // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск, 1985. С. 105–111.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 65–73.

Худяков Ю. С. Военное дело древних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1995. 98 с.

Цибиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ, 1998. 288 с.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989. 320 с.

Шнирельман В. А. У истоков войны и мира // Война и мир в ранней истории человечества. М., 1994. Т. 1. С. 9–175.

Эрдэнэбаатар Д., Худяков Ю. С. Находки бронзовых шлемов в плиточных могилах Северной Монголии // РА. 2000. № 2. С. 140–148.

Материал поступил в редколлегию 18.02.2010

Yu. S. Khudyakov

**GENERAL DIRECTIONS OF DEVELOPMENT MILITARY ORGANIZATION
AND ETHNO-SOCIAL HIERARCHY AT ANCIENT NOMADS OF CENTRAL ASIA**

In article are analyzed archaeological materials occurring from territory of Central Asia, and on this basis the main stages of formation military organization and ethno-social hierarchy in tribes of the shepherds and nomads communities during formation of nomadic civilization are reconstructed.

Keywords: Central Asia, epoch of bronze, period of early iron, shepherds, nomads, ethno-social hierarchy, military organization, weapon.